

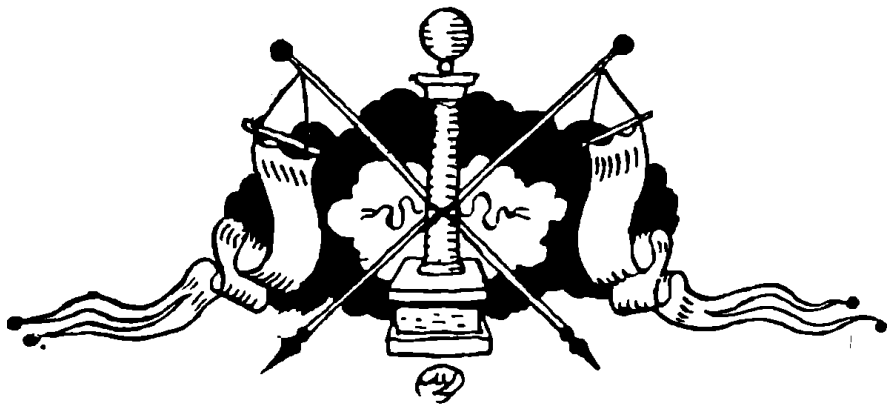
позволяющіе путнику свертывать въ боковыя аллеи, гдѣ тотъ и заблудится несомнѣнно.

Мнѣ важно то мѣсто, которое занимаютъ избранные герои въ общей эволюціи, въ общемъ строительствѣ Божьяго міра, а внѣшняя пестрая смѣная картинъ и событій нужна лишь какъ занимательная оболочка, которую всегда можетъ замѣнить воображеніе, младшая сестра ясновидѣнія.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъ моихъ жизнеописаній узнали то, что лишь самый внимательный, почти посвященный чтецъ вычитаетъ изъ десятка хотя бы самыхъ точныхъ и подробныхъ, фактическихъ біографій, — единственное, что нужно помнить, лишь на время плѣняясь игрою забавныхъ, трагическихъ и чувствительныхъ сплетеній, все равно, достовѣрныхъ или правдоподобно выдуманныхъ.

«Новый Плутархъ» будетъ заключать въ себѣ около пятидесяти біографій и, конечно, подлежитъ разсмотрѣнію лишь

по окончаніи, но мнѣ казалось, что и
отдѣльно взятые главы оттуда могутъ
представлять нѣкоторый интересъ для
читателя.

ЖИЗНЬ КАЛЮСТРО.

В. Э. Мейерхольду.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1.

Феличе Бальзамо старалась взглянуть на маленькое существо, лежавшее около нея на широкой купеческой кровати, и говорила мужу:

— Смотри, Пьетро, какіе блистающіе глаза у малютки, какой умъ написанъ

у него на лобикѣ!.. Навѣрное, онъ будетъ если не кардиналомъ, то, во всякомъ случаѣ, полковникомъ!..

По правдѣ сказать, ничего особеннаго не было въ большеголовомъ мальчуганѣ, корчившемъ свои распеленутыя ножки; нельзя даже было сказать, на кого ребенокъ похожъ, на отца или на похудѣвшую Феличе. Тѣмъ не менѣе, синьоръ Бальзамо, на минуту оторвавшись отъ большой расходной книги и засунувъ перо за ухо, повернулся къ кровати и, не подходя къ ней, отвѣтилъ:

— Вѣроятно же всего онъ будетъ честнымъ купцомъ, какъ его отецъ и дѣдъ. Можетъ-быть, впрочемъ, онъ будетъ адвокатомъ; это теперь выгодное занятіе.

Будущій адвокатъ залился горькимъ плачемъ, можетъ-быть, отъ судьбы, которую ему предсказывали родители, или отъ солнца, которое какъ-разъ на него бросало іюньскій квадратъ. Бабка Софонизба быстро поднялась отъ столика, гдѣ она пила кофей около очага, передвинула ребенка въ тѣнь, закрыла его одѣ-

яльцемъ и, тихо шлепнувъ для окончанія, подняла очки на лобъ и промолвила:

— Браки и должности въ небѣ рѣшаются. Никто не знаетъ, кто кѣмъ будетъ. Вотъ если онъ сдѣлается графомъ или чудотворцемъ, то я удивлюсь и скажу, что онъ—молодецъ.

Феличе, закрывъ глаза, тихонько хлопала рукою по голубому одѣялу, улыбаясь и словно мечтая, что будетъ съ маленькимъ Беппо, недавно окрещеннымъ въ Палермскомъ соборѣ.

Лѣтній жаръ уже сломился, и Пьетро Бальзамо отправился въ прохладную лавку; ушла и повивальная бабка Софонизба, а Феличе все лежала, стараясь скосить глаза, чтобы увидѣть Іосифа, который уже тихо таращилъ свои большіе каріе глазки. Дѣйствительно, не можетъ быть у купца такихъ глазъ, такихъ странныхъ бугровъ на лбу, такой печати (конечно, печати) необыкновенности на всей большой головѣ.

И мать, и сынъ оба думали и видѣли (по крайней мѣрѣ, Феличе), какъ на стѣнѣ

выскакивали, словно картонные квадраты, на которыхъ было написано поочередно: кардиналъ, полковникъ, адвокатъ, купецъ, чудотворецъ, графъ. Послѣдній квадратъ появлялся чаще другихъ и былъ весело-желтаго цвѣта.

Въ сумеркахъ Пьетро вернулся, жена только-что проснулась и, подозвавъ къ себѣ мужа, тихо сказала:

— Несомнѣнно онъ будетъ графомъ!

Бальзамо хотѣлъ-было послать за докторомъ, думая, что у жены начинается бредъ, но Феличе остановила его, сказавъ, что она совершенно здорова. Пьетро сѣлъ у кровати и сидѣлъ долго, не зажигая огня и смотря на безмолвный пакетикъ, гдѣ заключался будущій полковникъ. Такъ досидѣли они до первыхъ звѣздъ, когда служанка принесла свѣчи и стала накрывать на столъ для ужина.

